

Видя, как пламя в дворце поднимается всё выше, Синь Линьхуа в ту же секунду захотел сбежать, но механизм, который Гу Чжису только что активировал, был предназначен для того, чтобы превратить Зал Янсинь в железную клетку. В темноте огонь поднимался по колоннам, дверные ручки постепенно покрывались обжигающим жаром. Синь Линьхуа, с глазами, налившимися кровью от ярости, но не имея возможности что-либо сделать, продолжал рубить решётку, окружающую императорский трон, и в бешенстве кричал:

— Подонок! Отпусти меня! Иначе я убью тебя!

— Ты думаешь, что и теперь я боюсь смерти?

Гу Чжису снял с головы императорский венец, его искажённое лицо в свете пламени стало ещё более отчётливым. В его чёрных глазах читалось лишь безумие, а пальцы медленно скользили по лицу человека, которого он прижимал к груди, и он тихо прошептал:

— Он единственный, кто любил меня в этом мире...

Пламя озарило половину неба. В пределах многослойных дворцовых стен, казалось, раздались чьи-то крики, звуки оружия всё ещё эхом разносились по округе, капли крови падали в воду, создавая небольшие круги, которые вскоре полностью исчезли. И вместе с боем колокола в воздухе осталась лишь одна фраза:

— Я заставлю вас всех сопровождать его в загробный мир!

В темноте сначала всё было туманно, а в ушах раздавались громкие крики.

— Молодой господин! Молодой господин, проснитесь скорее!

— Если вы не проснётесь и не оправдаетесь, княгиня вас точно убьёт! Проснитесь же!

Гу Чжису внезапно открыл глаза и хотел сесть, но почувствовал, что всё тело совершенно слабое. Подняв руку, чтобы опереться на кровать, он обнаружил, что не может даже напрячь мышцы, и чуть не упал.

Как только он немного пришёл в себя, голоса за дверью стали слышны ещё яснее.

В комнате служанка, которая была в панике, увидев, что он проснулся, быстро подбежала к нему, осторожно поддержала и с радостью на лице сказала:

— Молодой господин, вы проснулись! Это так хорошо!

Зрение Гу Чжису всё ещё было немного размытым, но он сразу узнал эту служанку, которая верно служила ему до двадцати лет, а затем, выйдя замуж, умерла от болезни. Это была его преданная слуга.

— Цин...хуань?

Как только он узнал её, его тело вдруг содрогнулось, и он инстинктивно огляделся. Увидев на столе письменные принадлежности и светло-голубые занавески на кровати, его разум словно замёрз, а голоса снаружи стали ещё отчётливее.

За дверью стояла женщина средних лет, одетая в роскошные одежды, с круглым лицом и спокойной улыбкой, но слова её были остры, как нож:

— Четвёртый молодой господин столкнул старшую молодую госпожу в озеро, и она до сих пор без сознания. Княгиня непременно хочет видеть четвёртого молодого господина, поэтому, прошу вас, наложница, не мешайте!

Цзюнь-ши, увидев, что за ней стоят люди, и что, если она не согласится, они ворвутся в комнату сына силой, пришла в ужас. Но она была всего лишь наложницей и не смела перечесть законной жене, тем более что жена была сестрой императора. Одним мизинцем она могла раздавить её и её детей. Она могла только стоять на коленях и умолять:

— Матушка Цзинь! Смилуйтесь, пощадите моего Сугэра, не забирайте его сейчас... У него жар... Он не хотел толкать старшую молодую госпожу, это вышел несчастный случай... Пощадите его хоть раз...

Гу Чжису сидел в растерянности, слушая шум вокруг, и дрожащей рукой попытался рассмотреть себя. Но его взгляд сначала упал на ноги — ноги, которые не были отрезаны по колено, а всё ещё были на месте.

Что происходит? Разве он не умер? И его ноги...

Семнадцатилетним он сопровождал свою старшую сестру в императорский дворец, в двадцать, после смерти наследного принца, он вышел замуж за нового императора, в тридцать был отправлен в Холодный дворец, а затем взошёл на трон. Он сгорел заживо, держа того человека в объятиях. Как же он сейчас может лежать на кровати целым и невредимым?

Он смотрел на свои ноги, на свои дрожащие руки.

Это уже не те руки, покрытые шрамами, с пальцами, которые были сломаны и с трудом двигались. Но они всё ещё были бледными, худыми, с лёгким синеватым оттенком на кончиках пальцев.

— Я жив... Я действительно жив...

Его глаза постепенно покраснели, слабость в теле усиливалась, его начало знобить, но он не обращал на это никакого внимания. Его руки дрожали, но он медленно сжал их в кулаки, а в глазах загорелся свет, словно звёзды в ночи.

— Молодой господин, что с вами?

Служанка Цинхуань, увидев, что её господин выглядит странно, поспешила налить чашку чая, осторожно подула на неё и поднесла к нему, с заботой в глазах:

— Вы долго спали, наверное, хотите пить! Выпейте немного воды!

Гу Чжису посмотрел на прозрачную воду, в которой отражалось его худое, бледное лицо, и вдруг не смог сдержать тихого смеха, который перерос в громкий хохот со слезами.

Под крики Цинхуань Гу Чжису, шатаясь, встал с кровати, подошёл к зеркалу у кровати и, не обращая внимания на шум снаружи, начал рассматривать себя. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он вдруг успокоился, и на его губах появилась беззвучная улыбка.

Раз уж он вернулся, зачем ему прощать тех, кто сделал его прошлую жизнь невыносимой, и позволять им жить спокойно и счастливо?

В прошлой жизни, когда он ещё не был загнан в угол, он всегда думал, что если он уступит, они в конце концов пожалеют его и оставят в покое. Если он будет искренне любить, тот, кого он любит, никогда не предаст его — но что же произошло в итоге?

Старшая сестра, которая хотела растоптать его, законная мать, которая превратила его из мужчины-шуан в женщину-шуан, мать, которая перестала видеть его после смерти его сестры, отец, который видел в нём только пешку, два мужа, которые даже не знали его характера, и тот, кого он любил, который разрушил его лицо и ноги...

В этой жизни, раз уж он вернулся, он вернёт все эти долги, один за другим!

Гу Чжису глубоко вздохнул, сжал пальцы в рукаве, слушая шум вокруг, и через мгновение вспомнил, что сейчас была зима, когда ему было тринадцать лет. Он ещё не превратился из мужчины-шуан в женщину-шуан, но законная мать уже задумала его уничтожить. Старшая сестра в заднем саду хотела столкнуть его в озеро, но сама упала, случайно потянув его за собой. Законная мать воспользовалась этим, чтобы обвинить его, и он был заперт в своём дворе на три месяца.

Когда он снова вышел из двора, всё перед ним изменилось.

Гу Чжису опустил голову и улыбнулся, слегка поправил свою одежду, повернулся к служанке, которая смотрела на него с блеском в глазах, и спросил:

— Где одежда, в которой я упал в воду?

— Одежда? — Цинхуань не сразу поняла, но через некоторое время, словно очнувшись, ответила. — Я её убрала, молодой господин. Вам её?

Гу Чжису, шагая, чувствовал слабость во всём теле, но не показал этого, лишь махнул рукой:

— Сейчас же принеси её, и принеси ножницы.

Цинхуань, увидев, как он сделал небольшой надрез на рукаве, а затем разорвал ткань, застыла в шоке, не понимая, что он задумал. Когда она хотела спросить, шум за дверью стал ещё громче, и она поняла, что Цзюнь-ши, вероятно, больше не сможет сдерживать матушку Цзинь, и с тревогой сказала:

— Молодой господин, беда! Матушка Цзинь сейчас войдёт!

— Цинхуань, я поручу тебе одно дело, и ты должна выполнить его немедленно.

Гу Чжису бегло взглянул на одежду с порванным рукавом, его тёмные глаза были бездонными. Он наклонился и тихо прошептал несколько слов, и когда Цинхуань с недоумением посмотрела на него, он без колебаний бросил одежду рядом с вешалкой и, одетый только в тонкую рубашку, вышел наружу.

— Не беспокойся обо мне. У меня есть способ избежать этой беды.

Цзюнь-ши всё ещё стояла на коленях перед матушкой Цзинь, умоляя не забирать её сына. Матушка Цзинь усмехнулась про себя, вспомнив наставления княгини, и продолжала тянуть время, пока, наконец, не решила, что пора уходить, не вызывая подозрений. Но как только она собралась уйти, за её спиной раздался скрип двери.

<http://bllate.org/book/16652/1525571>